

Сухбат Арлатунчи

КОГДА ЗЕМЛЯ БЫЛА ПЛОСКОЙ

— Заболел, — сказал Костян, как будто сам себе.

Подумав немного, упал на одеяло.

Кашель бился в нем, наружу не выходил, а только хрип. И горло горело.

— К Любаше сходи, — посоветовал Прапор. Прапор уже разделся и сидел в майке, разглядывая Костяна. Так раньше беззвучный телек на ночь глядел, с тупым солдатским интересом. — К Любаше, — повторил, зевнув. — Может, нальет что.

— И не только нальет, — вставил сверху Стас, второй сожитель.

Костян поднялся и зло вышел из комнаты.

Любаша была местным медпунктом. Медпункта на стройке не полагалось, да и сама Любаша имела к медицине непонятное отношение. Когда была в настроении, могла и укол сделать, и в горло заглянуть. Но чаще отсылала в город: «Я вам тут не поликлиника». Прибилась к стройке еще при прежнем прорабе, так и прижилась; для чего жила тут, непонятно. Но привыкли к ней, как к мокрой грязи и серым дням.

Костян осилил коридор и вышел, моргая, во двор. В Любашином окне мерцал свет от телека. Костян постучал ногтем в стекло; видел, как Любаша неохотно поднялась. Отодвинула занавеску, поглядела по-рыбьи в темноту. Оpozнав Костяна, ушла.

Открывала долго, шурша и звеня изнутри; как сейф в банке, устало подумал Костян. Снова закашлялся и попытался сплюнуть, но не удалось. Ладони как-то быстро успели замерзнуть, он сунул их в карманы, надеясь, что там будет теплее, но теплее не стало. Любаша, наконец, справилась с дверью и приоткрыла ее, обдав Костяна теплом и чем-то кисловатым.

— Ну? — поглядела.

Таков был обычный ее привет, Костян другого и не ждал. Хотя нет, сейчас, наверное, ждал, в своем положении. Ладони были как лед.

— Заболел.

— Все болеют. Заражать меня пришел?.. Заходи, холодно.

Костян аккуратно стащил сапоги, оставшись в толстых, негреющих носках. Любаша наблюдала за его действиями. Костян хотел спросить, зачем она так долго ему открывала, может, даже пошутить на эту тему. Но вместо шутки закашлял.

— В стену кашляй, — сказала Любаша.

Она была в обычной своей безрукавке на искусственном меху, в олох был собран в тощую фигу. Накашлявшись, Костян скосил глаз в бесшумный телек, пытаясь угадать передачу, но из-за слез не смог.

— Принимал чего-нибудь? — Любаша села в кресло, занимавшее полкомнаты. В нем она, как люди говорили, и спала: не раздеваясь, приоткрыв рот. Возле кресла краснела электропечка.

Костян помотал головой и кашлянул. Ему тоже хотелось устроиться на этом кресле, поближе к горячей печке и Любаше, но боялся, что тогда его точно выгонят. Сделал шаг и остановился, ожидая приглашения.

— Всегда таблетки надо при себе... — сказала Любаша, зевнув.

Устав ждать, Костян опустился на колени и обнял толстые Любашины ноги.

«Зачем мне эти ноги, — думал он, — грех... теперь точно прогонят». И от этих мыслей сжал их еще сильнее.

— Так вот что у тебя болит, — скучным голосом сказала Любаша.

Потянулась, достала крем и стала шумно втирать в ладони. Потянула в телек. Снова на Костяна, бессмысленно сжимавшего ее ноги в ковровых тапках.

— Дай встану.

Костян разжал, Любаша подошла к ящику и углубилась в него. Костян осторожно сел на кресло.

— Нет лекарств. Могу водки налить, на меду.

Костян услышал знакомое бульканье. Водки он не хотел, но вежливо влил в себя. Во рту стало неудобно. Мед никудышный, наверное.

Костян хотел еще раз обнять Любашу, чтобы как-то обозначить свою благодарность, но передумал. Заметил возле зеркала какую-то иконку и портрет отца Андрея рядом.

— Иди, — сказала Любаша, глядя в телевизор.

Костян приподнял брови. Только обвыкся, еще и водки толком не попробовал, а уже на дверь. А за дверью ночь и никакого человеческого слова.

— А ты иди к Батьку, — сказала Любаша. — Он тебе этих слов наговорит — по самое «не хочу».

И пошла к двери.

Не удивившись, что Любаша как-то пролезла в его мысли, Костян присел и принялся за сапоги. «Ладно, — думал. — Лекарств у нее все равно нет. И ноги как у зебры».

Поглядел на Любашу — не подслушала ли снова? Нет, с замком возилась.

— Завтра приходи, замок мне починишь.

Костян, уже в сапогах, кивнул. Замок так замок. Если доживет.

«Когда земля была плоской, — вспомнил, — женщины на ней тоже были плоскими. И рай был плоским. А потом все это стало накачиваться грехами, расширяться и округляться...»

Последнее Костян довспоминал уже на улице, слыша за спиной запираемую дверь и пуская пар.

Батёк жил недалеко, но идти к нему не хотелось.

В прошлом был он коммерческим попом. Обслуживал похороны, работая то в одной, то в другой фирме. Бизнес этот начал, еще когда настоящих священников маловато было, а потребности в культовых действиях росли. По образованию был трубач, подрабатывал в кладбищенском оркестрике. Вот как-то, когда фирма не могла вовремя обеспечить священника, Батьку и предложили «полевачить за попа». Как отпевать, видел не раз; кадило и спецодежду раздобыли. Так и пошло. Являлся по первому вызову, отпевал красиво, с подвыванием, клиент был доволен. Пару раз, правда, были стычки с настоящими священниками, грозившими Батьку судом земным и небесным. Но подходящей статьи, по которой можно было его привлечь, не находилось; и Батек продолжал работать, даже получая от этого какое-то скромное удовольствие.

Батюшки все же на Батька обозлились. Сын одного из них, как назло, работал в местном театре; решили Батька проучить. Пригласили как-то его на ночь почитать над умершим. Квартира большая, темная, хозяйева куда-то слиняли. Батек тоже думал улизнуть, но подвело чувство ответственности. Дальше понятно, что. Вылез из гроба тот самый актер... Хотя некоторые говорили, что никакого розыгрыша не было, все взаправду.

В любом случае, после того Батек пошатнулся и запил. В этом невеселом состоянии его и нашел отец Андрей. Отучил от зависимо-

сти, провел через курс реабилитации и покаяния. Батек побрился, успокоился и пошел учиться на плотника. Хотя что-то в нем еще оставалось, от прежнего.

Костян прошел по застывшей грязи мимо вагончиков. Здесь уже спали. «А я что не сплю? — думал Костян. — Зачем мне этот Батек?» Ответов в голове не было. Костян поглядел на Башню, кашлянул и постучал к Батьку.

— Уйди! — закричали из вагончика. — Завязал я, говорю, завязал! В церковь иди, там тебя отпоют!

Костян подождал, раздумывая, стукнуть еще или идти к себе.

Дверь вагончика приоткрылась, осторожно высунулась рука, сжимавшая какую-то иконку, а потом и голова Батька.

— А, это ты... — протянул Батек, шурясь во тьму. И дал знак заходить.

Костян залез в вагончик и снова задумался.

— Не снимай, — суетился вокруг Батек. — Прости, обознался я. Ходят тут по ночам.

Свет шел из угла, где горела лампадка; поодаль шли кровати, заваленные плотницким инструментом. Те, кто когда-то на этих кроватях жил, или бежали со стройки, или, как Стас, нынешний Костянов сосед, отселились, устав от Батьковых причуд.

— Что пришел-то? — поглядел Батек.

— Заболел...

И уселся на одну из кроватей, сдвинув с шумом инструменты. Батек вздохнул и сел напротив.

— У Любахи был? Понятно. Печенье будешь? Хорошее печенье.

Костян помотал головой.

— Зря. Когда болеешь, питаться надо. Калории. О теле тоже печенье надо. Поешь.

Костян повертел в руках печенье и, чтобы не обидеть хозяина, надкусил.

— Совсем ты заболел. — Батек наблюдал, как Костян пережевывает печенье.

Костян в подтверждение кашлянул, но не рассчитал: кашель получился сильнее и дольше, чем требовалось; забрызгал крошками и себя, и Батька.

— Понятно, — сказал Батек. — У меня такое же было. Думал, уже все, отплываю... На вот, елеем помажся. Возьми, возьми, это еще отец Андрей оставлял... Нет, кстати, новостей?

Костян, докашливая и отирая слезы, снова мотнул головой.

— Ну да, откуда у нас... — Батек откинулся к стенке. — Телевизор без звука. Интернета нет, газет нет. То есть правильно, что нет. Справедливо.

То, чтобы на стройке не было никакого вай-фая и газет, было благословением отца Андрея. Одним из последних его благословений.

— Ну, как печенье? Я и говорю, свеженькое. Стой. У меня мед еще есть.

Костян вспомнил Любашину водку на меду, и отказался.

— Ну, как хочешь. Монастырский.

Батек выхватил откуда-то грязную банку и поднес Костяну к самому лицу. Костян похлопал глазами, поднялся и собрался уходить. Он вдруг как-то устал от этой заботы.

— Постой, — Батек схватил его за ватник. — Постой...

Костян поглядел на лицо Батяка и задержался.

— Скажи, может, хоть ты знаешь... Кто-то же должен знать. Прапор не знает. Или шифруется. Стас не знает, точно. Перед образами тут клялся.

Костян понял, о ком вопрос, и хрипло вздохнул.

— Он же должен был кому-то сказать, когда, — не унимался Батек. — «Вернись тогда-то, ждите». А? На ушко?

Вопрос этот, конечно, заботил всех, всю стройку, всех андреевцев. Общее мнение было такое: когда завершат стройку. Выстроят Башню, перережут ленточку... Но время шло, уверенности было меньше; а как стало ясно, что и в этом полугодии не сдадут и придется возле Башни зазимовать...

— Ты же недалеко был, когда его брали. — Батек стоял напротив Костяна, лохматый, с темнотой под глазами. — Может, успел тебе что... Молчишь? Ну, молчи. Ты же интеллигентный человек... Ты же старшим программистом в прошлой жизни работал, что ты все дурачка из себя строишь?

Это было уже против всех правил и благословений. Костян оттолкнул Батяка и распахнул дверь.

— Ну, прости... — Батек вцепился в него сзади. — Ну, сдуру... Меня эти достали — всю ночь: отпой да отпой...

Костян спрыгнул в темноту.

— Сбегу я! — крикнул ему в спину Батек. — И все вы сбежите! Не выдержите! Или заберут, куда надо!

Костян обернулся, чтобы ответить, но промолчал.

— Так ему и передай! — снова послышалось. — Сколько можно этот сортир многоэтажный строить...

«Вот как человеку плохо, — думал Костян, медленно отходя от вагончиков. — А я думал, это мне плохо». Башня, как и положено объекту, была слегка освещена, погавкивала сторожившая ее немецкая овчарка Глаша.

«Когда Земля была плоской, то и все люди на ней были плоские. Люди одной мысли, одного дела, одного сердца».

Это была его последняя проповедь, отца Андрея. Нет, не с амвона, почти на ухо. Вот на это ухо, которое под шапкой.

Надоел всем отец Андрей, крупно надоел. Проповедями своими, неумным миссионерством, взглядами. Что Костян раньше программистом был — Батек правду сказал. Был. В прошлой жизни. Все андреевцы в прошлом чем-то были. Батек — трубачом. Стас — менеджером где-то. Прапор — полковником, хоть и на пенсии. Не то что говорить, и вспоминать об этом не благословлялось. Благословлялось приобретать новую профессию, строительную, чтобы руками. Костян освоил малярку, но это оказалось не его. А вот кафельщиком пришлось в самую пору.

Прежний епископ глядел на их приход сквозь пальцы, а с новым возникли трения. Может, сам отец Андрей ему не понравился, был у отца Андрея такой талант, отдельным людям сильно не нравится. А может, приход считался «денежным», и новый владыка хотел кого-то из близких себе на него поставить. Потерпел-потерпел отца Андрея и предложил ему перевестись в другую епархию. Иначе обещал последствия.

Думали, отец Андрей бороться станет. Не стал отец Андрей бороться: тихо попрощался и уехал: «Любите нового настоятеля». Только полюбить нового не получилось. И так, и сяк полюбить пытались — а ни в какое, даже бледное, сравнение с отцом Андреем не шел. А тут сам отец Андрей где-то на северах возник, и местный губернатор, как сообщали, к нему благоволил и чуть ли не на руках носил. На приходе пошушукались, отправили туда гонца, того самого Прапора. Прапор вернулся посвежевшим, все подтвердил, даже «с горкой». Только на климат жаловался, но это не пугало; стали распродаваться и укладывать вещи. Полприхода туда перебралось. И Костян со всеми; кафель — он и в тундре кафель.

Первые три года все ладно шло. Церковь возвели, по оригинальному проекту: в виде шара. Верхняя часть — сама церковь, нижняя — зал. Миссионерство развернули, местных встряхнули, обдули от спячки. Зимы, правда, такие были, что «мама, не горюй». И земля плоская до самого небосклона, глядеть устаешь. Но отцу Андрею это нравилось. «Хорошо, что земля плоская». И улыбается по-своему.

А потом губернатора того взяли и сняли. Бизнес, правда, при нем оставили, так что продолжал андреевцев поддерживать. Но отношение к ним сверху уже немного другое стало. Вначале «немного», потом все больше и больше. Стали их на беседы вызывать, что они вредная секта; двоих с работы уволили. Отца Андрея напрямую трогать боялись, стали с прихода на приход, как мячик, перебрасывать, от райцентра подальше. Последний бросок — сюда, среди пустоты и плоскости, рядом с умершим селом.

Костяк общины, конечно, и сюда последовал. Отец Андрей стал задумчив, как человек, из-под которого выбили стул, и он висит в воздухе, не зная, то ли спокойно опуститься, то ли плюнуть и взмыть куда-нибудь.

Тогда у него и возник у него этот замысел. «Будем здесь Башню строить», — сказал Костяну, когда в машине вместе ехали. Костян поднял брови, пытаясь угадать. Общинный центр? Лекторий?

Через месяц уже были первые чертежи.

Община, конечно, была в недоумении, скребла затылок и качала головой. Смысл замысла отец Андрей не объяснял, от вопросов уворачивался. Строим — и строим, что тут спрашивать? Оставалось питаться догадками. Одни полагали, что Башня строится как наглядное пособие падшего мира. Другие, наоборот, — как образ солидарности... много еще чего говорили. А Костян ездил с отцом Андреем и закупал кафель. По прежней своей программистской жизни он знал, что есть вещи, которые человеческим языком сказать нельзя. А искусственный язык, чтоб описать смысл этой Башни, еще не создан. Либо создан, но людям пока не ведом.

Дальше... Дальше понятно что. Отца Андрея взяли, вначале общали о нем через СМИ, потом замолчали. Стройка тихо сама собой шла, то прежний губернатор подкинет, то еще какие-то благодетели. Постепенно пошло разложение, духовные трещины. Церковь закрыли, служить некому, нового не присылали, а даже если бы и прислали... Многие уехали, затосковав без церковной жизни или

просто... разочаровавшись. Среди оставшихся стали заметны слабости, водка, неправильное отношение. Но строили. Как могли. Как могли, так и строили.

До своей избы Костян почти дополз. Свет в ней уже погасили, помолились и спали.

Только свеча горела, оставленная для Костяна.

Прапор, как всегда, храпел; Костян погладил его по плечу, и тот замолк и зачмокал. Стас наверху перевернулся; спал в свитере.

Костян тоже не стал раздеваться, только куртку сбросил и загасил пальцами свечу. Лег и чуть не заплакал от усталости. Прочел про себя несколько молитв, какие наизусть помнил.

— Слышь? — заскрипел сверху Стас. — Завтра, говорят, заберут нас.

Костян молчал. Снова начал похрапывать со своей лежанки Прапор.

— В психушку областную, на обследование...

Костян вздохнул и пошевелил ногами. Слухи, что всех их заберут, гуляли по стройке не первый месяц. С того самого дня, как отца Андрея забрали.

— Этот раз вроде точно, — Стас свесил голову. — Наши бывшие сообщили, Еремеев и этот, корреспондент ... С утра к обороне будем готовиться.

Голова, повисев, исчезла.

«К обороне... — думал, засыпая, Костян. — Хорошо. И к Любаше зайти, замок починить».

Стас еще немного поворочался, Прапор похрапел и замолк, точно уже не Костян, но кто-то другой погладил его по плечу, темнота, наконец, затихла и успокоилась.

Волна внутреннего света накрыла Костяна, он потер колено и улыбнулся. Перед глазами его, как с аэросъемки, неслась бескрайняя белая земля. «Вот я и стал почти плоским, Господи. Ты разгладил меня, как фантик». Голос был отца Андрея, но Костян понимал, что слова относятся к нему, Костяну. И видел себя, плоского и счастливого, летящего над этой землей, такой же плоской, как и он сам.

